

АНАЛИТИЗМ ПОВЕСТВОВАНИЯ В ПРОЗЕ БЕРНХАРДА ШЛИНКА

А. И. Гущина

Воронежский государственный технический университет

Поступила в редакцию 2 декабря 2019 г.

Аннотация: в статье рассматривается одна из наиболее характерных черт творческой манеры Бернхарда Шлинка — вопросительность его повествования. Писателя никогда не устраивает однозначность исторических трактовок. Как в детективных повествованиях, так и в произведениях, получивших мировую известность — романах «Чтец», «Ольга», Шлинка аналитически подходит к распроstrанённому историческим мифам, открывая в прошлом множество параллелей к настоящему.

Ключевые слова: Бернхард Шлинка, «Чтец», «Ольга», исторические мифы.

Abstract: this article deals with one of the most characteristic features of Bernhard Schlink's manner — interrogative narration. The writer is never satisfied with the univocacy of historical interpretations. In both detective narratives and world-famed works — the novels "The Reader", "Olga", Schlink approaches analytically to common historical myths and opens up many parallels to the present in the past.

Keywords: Bernhard Schlink, "The Reader", "Olga", historical myths.

Бернхард Шлинка, несомненно, является продолжателем давней немецкой культурной традиции — осмысления немецкой истории в мифологическом свете. Практически во всех его произведениях мы обнаруживаем стремление понять сложные моменты недавнего прошлого в их сопоставлении с глубинными процессами немецкого национального сознания, с пластичными и убедительными образами, характеризующими мышление немцев.

Так, о германском величии и об имперских устремлениях, о завоевании колоний в Африке и на Востоке речь идёт в романе «Ольга» («Olga», 2018) [1]. Мифологическое возвышение немецкой нации среди остальных и миф о вечном возвращении на родину находится в центре авторского внимания в романе «Возвращение» («Die Heimkehr», 2006) [2]. В романе-бестселлере «Чтец» («Der Vorleser», 1995) [3] автор освещает ключевые вопросы, зревшие в сознании немецкого общества в 1960–70-е гг.: об общей немецкой вине за преступления нацизма, об осмыслении немецкого прошлого разными поколениями немцев и др. Об этом же Шлинка размышлял, например, и в детективной трилогии про Зельба: «Правосудие Зельба» («Selbs Justiz», 1987) [4], «Обман Зельба» («Selbs Betrug», 1992) [5], «Прощание Зельба» («Selbs Mord», 2001) [6].

Как заявляет сам писатель в Гейдельбергских лекциях (Gedanken über das Schreiben, 2011) [7], его никогда не устраивает однозначность исторических трактовок. Прикасаясь к так называемой исторической «правде», Шлинка заявляет: «Я смотрю на доводы "за", однако смотрю и на доводы "против"» [7, 16]. Как автор он активно раскладывает привычные формулировки и суждения на составляющие, подвер-

гает стереотипные ментальные конструкции переосмыслению. И в результате этой напряжённой работы мысли за тканью устойчивых и привычных всем мифов часто высвечивается прежде не осознаваемая, особенная правда исторического процесса. Оценивая творчество Шлинка в целом, следует отметить важное умение автора посмотреть на историю Германии под разными углами, не соблазняясь однозначно верным решением.

Нет ничего удивительного, что первые произведения Шлинка были посвящены детективной тематике. Шлинка до настоящего времени является юристом, а потому вопросы вины, ответственности, долга в его книгах занимают вполне естественное место. В романе «Правосудие Зельба» главный герой расследует взлом компьютерной системы на крупном химическом предприятии. В «Чтеце» главная героиня оказывается подсудимой на процессе над бывшими нацистами. При этом повествование Шлинка не сводится только к детективной составляющей, оно наполнено множеством социальных, психологических, бытовых подробностей, из которых складывается живая картина жизни Германии послевоенных лет. Подобная осведомлённость связана с принадлежностью автора ко «второму» послевоенному поколению, т.н. поколению «детей».

Шлинка таким образом оказался в числе тех, перед кем проблемы нацистского прошлого вставали с особенной остротой. Дети вынуждены были выбирать между осуждением «отцов» и безразличием к преступлениям прошлого. В этом можно усмотреть определённый «автобиографизм», потому что автор, рождённый в 1944 г., сам должен был не раз совершать

подобный выбор¹. И в силу этого при чтении произведений Шлинка детективная составляющая постепенно уходит на второй план, а на первое место выходят вопросы оценки прошлого. Так, например, Зельб незаметно для себя переключается с поиска компьютерного злоумышленника на изучение биографии влиятельного генерального директора химического концерна, открывая в ней множество «тёмных» мест. Михаэль Берг не ограничивается юридической оценкой событий прошлого, а погружается в мучительные размышления психологического свойства — собственном отношении к далёким событиям, о собственном умении различать добро и зло и т.п.

Шлинку важно погрузиться в ментальность людей прошлого, осмыслить их психологические реакции на те или иные события. Невозможность одной точки зрения на историю Шлинка показал уже в первых произведениях. Его персонаж, детектив Зельб, в прошлом служил прокурором. После краха нацизма он попал под запрет на профессию. И автор показывает, что Зельб в этом отношении был не одинок. Однако если другие, бывшие коллеги Зельба, смогли приспособиться к новым временам, добиться едва ли не оправдания себя и вернуться на юридическую службу, то Зельб сам не стал этого делать. Причиной его решения стало желание вообще не касаться сложной темы прошлого. Пойти по стопам коллег Зельб не мог, потому что ощущал лукавство их позиции. Но и себя на их фоне оправдывать он тоже не мог, потому что осознавал и собственную причастность к преступлениям нацизма. Выходом стала увёртка от каких бы то ни было размышлений: «В своё время я решил жить в мире со своим прошлым. Вина, искупление, энтузиазм и слепота, гордыня и гнев — всё это я привёл в некое *искусственное равновесие*. Благодаря этому прошлое стало *абстракцией*» (курсив мой. — А. Г.) [4, 232].

Однако встреча с Кортеном нарушает это «искусственное равновесие» в душе Зельба. Многие детали в поведении Кортена, в его высказываниях задевают Зельба за живое, напоминая ему о том прошлом Германии, которое он хотел забыть. Постепенно становится понятна истинная причина раздражения Зельба. Его возмущает цинизм Кортена. Генеральный директор химического предприятия, такой же участник событий нацистского времени, как и Зельб, предлагает вообще не делить немцев на виновных и невиновных, потому что это не имеет никакого смысла с его точки зрения: «Забвение того отрезка времени между тридцать третьим и сорок пятым годами — фундамент, на котором построено наше государство. Ну, немного

театра с громкими процессами и приговорами было — и, наверное, все еще остается — печальной необходимостью. Но в сорок пятом году никто не устроил «Ночи длинных ножей», а это была бы единственная возможность заставить кое-кого заплатить по счетам. Потом фундамент опечатали» [4, 302–303].

Разница между Кортеном и Зельбом в том, что в душе Зельб этот фундамент не смог «опечатать». Точно так же и Михаэль Берг задаётся вопросом: какую Германию можно построить на имеющемся «фундаменте»? В отличие от них Кортен — персонаж, не задающий сложных вопросов.

Впросительность повествования Шлинка — пожалуй, наиболее характерная его черта. Аналитизм авторского мышления подчёркивается не только их количеством, но и серьёзностью.

О том, чего стоят «свои игры в щепетильность», когда преступления уже совершены, спрашивает Кортен Зельба [4, 303]. До каких пор люди будут занимать позицию «ничего не видел, ничего не знаю, и меня там вообще не было» [4, 303]? На какие преступления могут пойти люди ради карьеры, как пошёл Кортен, отправивший коллег-евреев в концлагерь [4, 291–292]? Михаэль Берг в «Чтеце», принимая участие в процессах над бывшими нацистскими преступниками, также испытывает некоторую растерянность перед неожиданными и сложными вопросами о прошлом. «Что делать... новому поколению с ужасными фактами истребления» людей в прошлом? — спрашивает он себя [3, 95]. — Должны ли «дети» «цепенеть в стыде, сознании вины и в немоте? До каких пор?» [3, 95].

Вопросы задают не только персонажи, но и сам автор. В одном случае его мысли вложены в уста рассказчика (Михаэль Берг в «Чтеце», Герхард Зельб в «Правосудии Зельба», преуспевающий адвокат в «Женщине на лестнице» и др.). Подобные вопросы касаются уже не личной судьбы персонажей, но судьбы поколения, нации, они выводят читателя на обобщённое понимание исторического процесса. Виновен ли тот, кто «любил преступницу» [3, 122]? Это вопрос личного характера. «В чем были повинны люди старшего поколения из моей среды» [3, 154]? Это уже вопрос, идущий от автора, связывающего частное с общим, личное с историческим.

Помимо этого, Шлинка как автор подбирает эпизоды, выстраивает смысловые антитезы, заставляет своих героев переживать определённые моменты воодушевления или разочарования — для того, чтобы побудить читателя к размышлению. Так, например, весьма интересна композиция романа «Чтец». Начавшись как любовная история в настоящем, повествование очень быстро превращается в поток воспоминаний рассказчика. Его размышления, внутренние переживания занимают несравненно большее место в романе по сравнению с собственно действием. Это принципиально для Шлинка, которому важно показать не счастливый или несчастный исход любви двух

1. Шлинка хорошо выразил тяжесть этого вопроса о прошлом, обозначив, что с ним придётся столкнуться и следующему поколению, поколению внуков. См.: Connolly, K. Bernhard Schlink: Deutschland ist 'eine riesige Belastung' / K. Connolly // The Guardian. 2012. — 17 Sep. — Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2012/sep/17/interview-mit-bernhard-schlink> (дата обращения 17.04.2019).

людей, а напряжённую работу сознания представителя определённого поколения, их вопросы и ответы.

Также и в «Правосудии Зельба» начало романа имеет вполне детективный характер, в котором основным является расследование компьютерных махинаций на крупном немецком химическом предприятии. Однако, едва погрузившись в сюжет, читатель сталкивается с постоянным обращением героев к событиям нацистского прошлого. Учитывая, что «преодоление прошлого» стало для немецкого постлевоенного общества сложным ритуальным действием, подобные ретроспекции означают отчётливо выраженный авторский интерес ко множеству мифологических моментов в немецкой истории. Поэтому неудивительно, что внимание Зельба к несанкционированным компьютерным действиям молодого хакера постепенно ослабевает, переключаясь постепенно на «отголоски» ужасного прошлого, которое является общим для всего «первого поколения». В результате Шлинка рисует нетипичный образ современной Германии — сытой, благополучной. «Экономическое чудо», в результате которого Германия стала таковой, создавалось зачастую людьми, подобными Кортену. Он достиг руководящей должности на химическом концерне благодаря циничному и беспощадному предательству своих старших коллег. Распутывая клубок событий настоящего и прошлого, Зельб невольно задумывается о собственном прокурорском прошлом и своих компромиссах с совестью.

Так же и в «Ольге» Шлинка аналитически подходит к одному из распространённых исторических мифов — о демонической роли Гитлера, приведшего немецкую нацию к краху. Во многом Шлинка опирается на размышления супругов А. и М. Мичерлих, высказанные ими в книге «Неспособность к скорби» (1967) [9]. Речь в ней шла о том, что не нация пошла за фюрером, а сам фюрер оказался закономерным порождением национального духа. И, размышляя об истоках этого духа, Шлинка ставит в своём романе рядом с Гитлером фигуру Бисмарка. События «Ольги» показывают, что общественная психология немцев во многом сформировалась при «железном канцлере». Именно поэтому Бисмарк видится автору не только объединителем Германии, но и тем, кто предопределил её трагическую историю в XX веке. Главная героиня высказывает очень точную в психологическом отношении мысль: «У французов, англичан и русских — у всех давно есть своё отечество, тогда как отечество немцев долго существовало лишь в мечтах самих немцев, да и не на земле оно, а на небесах — почитай об этом у Гейне. А на земле немецкий народ был раздроблен, разорван. Когда Бисмарк создал наконец немецкое от-

ечество, фантазирование уже вошло у немцев в привычку. Они уже не могут остановиться в своих фантазиях. Теперь они мечтают о величии Германии, о её великих победах на морях и на далёких континентах, грезят об экономических и военных чудесах» [1, 262].

В сравнении с предыдущими романами «Ольга» представляет наиболее аналитичное произведение. Шлинка впервые раздвигает временные границы повествования до исторической панорамы событий от конца XIX в. до начала XXI в. Анализ общественных отношений он дополняет тонким психологическим комментарием, поясняющим поступки его героев. Прошлое представляет для него не просто интересный исторический материал, но и как духовное, ментальное, культурное пространство, в котором открывается множество параллелей к настоящему. А уже осмысливая эти параллели, читатель может вынести соответствующие уроки для будущего.

Таким образом, не усложняя сюжетные схемы своих произведений, Шлинка пишет психологически выверенные истории, в которых внимание читателя легко переключается с больших событий на личные судьбы рядовых участников исторического процесса, а в личных трагедиях и катастрофах маленьких людей угадываются закономерности большой истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шлинка Б. Ольга: роман / Бернхард Шлинка; пер. с нем. Г. Снежинской. — М.: Иностранка, Азбука — Атткус, 2018. — 304 с.
2. Шлинка Б. Возвращение: роман / Бернхард Шлинка; пер. с нем. А. Белобратова. — СПб.: Азбука, Азбука — Атткус, 2013. — 320 с.
3. Шлинка Б. Чтец: роман / Бернхард Шлинка; пер. с нем. Б. Хлебникова. — СПб.: Азбука, Азбука — Атткус, 2018. — 224 с.
4. Шлинка Б. Правосудие Зельба: роман / Пер. с нем. Р. Эйвадаса. — СПб.: Азбука, 2010. — 320 с.
5. Шлинка Б. Обман Зельба: роман / Пер. с нем. Р. Эйвадаса. — СПб.: Азбука, Азбука — Атткус, 2011. — 320 с.
6. Шлинка Б. Прощание Зельба: роман / Пер. с нем. Т. Заславской. — СПб.: Азбука, Азбука — Атткус, 2011. — 256 с.
7. Schlink B. Gedanken über das Schreiben. Heidelberger Poetikvorlesungen / B. Schlink. — Zürich: Diogenes, 2011. — 85 s.
8. Connolly K. Bernhard Schlink: 'Deutschsein ist eine riesige Belastung' / K. Connolly // The Guardian. 2012. — 17 Sep. — Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2012/sep/17/interview-mit-bernhard-schlink> (дата обращения 17.04.2019).
9. Mitscherlich A. u. M. Die Unfähigkeit zutruauern. Grundlagen kollektiven Verhaltens / A. u. M. Mitscherlich. — München: Piper & Co. Verlag, 1967. — 567 s.